

0-735664

На правах рукописи

Левшуков Рустам Айгуфович

**ИСЛАМ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЕ ФУНКЦИИ.**

Специальность
22.00.06 - социология культуры, духовной жизни
(социологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Ростов-на-Дону
2003

Работа выполнена в Ростовском государственном педагогическом университете на кафедре регионоведения и этносоциологии

Научный руководитель доктор социологических наук, профессор
Денисова Галина Сергеевна

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор **Шевелев Владимир Николаевич**
кандидат политических наук, **Добаев Игорь Прокопович**

Ведущая организация - Кабардино-Балкарский государственный университет

Защита состоится «2» апреля 2003г. 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.206.03 в Ростовском государственном педагогическом университете по адресу: г.Ростов-на-Дону, ул.Большая Садовая, 33, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ростовского государственного педагогического университета по адресу: г.Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33.

Автореферат разослан «2» марта 2003г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Хоренько Л.Я.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Конец XX в. в России отмечен радикальными преобразованиями в системе **политико-государственного устройства, модернизационными** изменениями в экономике, идеологии и культуре. Экономические и политические преобразования в стране и возникший в связи с этим системный кризис российского общества привели к общему росту неустойчивости, что внешне отразилось в политической нестабильности, как на **региональном**, так и федеральном уровнях. Отличительной чертой современных российских отношений по оси «центр-периферия» на данный момент являются их незавершенность и все еще сохраняющаяся **дезинтеграционная** тенденция на уровне отдельных регионов, таящие разрушительный потенциал для целостности страны. Наиболее зримо она проявляется на Северном Кавказе. События, разворачивающиеся здесь в последние десятилетия, позволяют **охарактеризовать** Северный Кавказ как политически нестабильный регион России.

Укрепление стабильности в регионе и реконструкция его пространства на тех участках, где были отмечены открытые конфликты, происходят по **двум** направлениям, которые детерминируют соответственно федеральный Центр и региональные оппозиционные элиты. Центр использует для этого преимущественно **политико-административные** и финансовые средства, направленные на увеличение степени автономии республик по сравнению с советским периодом и одновременно укрепляет властную вертикаль. Региональные оппозиционные элиты, активизируя ислам, стремятся использовать в политических целях усиление интеграции северокавказских народов на мусульманской почве.

Основные усилия представителей региональной оппозиционной этнической элиты направлены на актуализацию традиционной ценностной системы, в рамках которой северокавказские автохтонные этносы предстают как единое целое, объединенное **духовно-цивилизационными** задачами глобального масштаба, связанное тесными узами как с Россией, так и с миром ислама. Ислам все больше вовлекается в систему политических отношений России, а его **надэтнический, внесловный** и внеродовой характер позволяет ныне говорить о нем как об идеологии, на базе которой сегодня возможно достичь единства не только на межэтническом, но и межреспубликанском уровнях.

В то же самое время **следует** отметить крайнюю неоднородность исламского движения на Северном Кавказе, которое представлено различными общественно-политическими субъектами, отстаивающими разные интересы и цели: в нем можно выделить пророссийское течение, и течение склонное к исламско-мурадикализму. Иными словами, исламская интеграция в геополитических условиях Северного Кавказа **не гарантирует** утверждения российских ценностей и поддержания российского политического пространства.

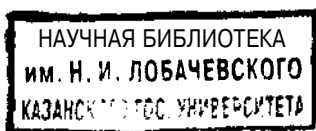
От четкого понимания сегодня структуры и свойств Ислама как религии содержащей в себе потенциал для этнокультурного единения и эффективного использования этого потенциала «в немалой степени будет зависеть внутри- и внешнеполитическое состояние России: будет ли она иметь нормальные, конструктивные отношения с исламским миром или мусульманский фактор все далее в теоретико-идеологическом аспекте будет наращивать экстремистский потенциал, неизбежным следствием чего на практике явится активизация террористической деятельности под исламскими знаменами и лозунгами»¹. Поэтому теоретическое изучение социокультурных функций ислама в данном регионе выступает необходимым условием для корректировки политики, направленной на поддержание и укрепление общероссийских ценностей в данном регионе, усиления толерантных ценностей в культурном пространстве, вмещающем как общероссийские ценности, так и ценности исламского мира, которые исповедует основное большинство представителей автохтонных народов региона. Данный аспект проблемы является в настоящее время наименее разработанным в отечественной исследовательской литературе, что объясняет его теоретическую актуальность.

На основании всех приведенных аргументов обращение диссертанта к заявленной теме представляется актуальным.

Степень научной разработанности проблемы. Мировое исламоведение имеет давнюю историю и за весь период своего существования накопило солидный багаж знаний, который должен быть учтен исследователем при изучении различных аспектов такого сложного явления, как ислам.

Комплексный анализ социальной философии ислама, формирования и функционирования его политико-правовой культуры, влияния политических доктрин на практику развития ислама в различных государствах и его эволюции обуславливает необходимость исследовательского обращения к средневековой арабо-мусульманской философии. Ценным материалом здесь являются труды таких средневековых мусульманских **ученых-богословов, как аль-Ашари (873-935)** разработавшем мусульманскую схоластическую теологию (калам); **аль-Газали (1059-1111)**, признанный основателем эталонной суннитской ортодоксии, получившей повсеместное распространение в мусульманском мире; мусульманский теолог XII в. **аш-Шахрастани**, исследовавший дальнейший процесс развития ислама и последствия расколов в нем, которые в основном носили политическую подоплеку; **Ибн Ханбал**, **ибн Таймийи**, **аль-Кайим** и другие средневековые **салафитские** авторы; более поздний идеолог суннитского фундаментализма **Мухаммед ибн-абд-аль-Ваххаб**. Изучение произведений вышеназванных авторов является необходимой основой диалектического осмысления

¹ *Лобачев И. П.* Традиционализм и радикализм в современном Исламе на Северном Кавказе / Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2000. С.9.

основных положений идеологических доктрин таких современных исламистов, как Бен Баз, Ибн Джамил Зину, Юсеф аль-Кардави, Д.М.Камил, аль-Маудуди, М.А.Башамил, С.Кутб, С.В.Фаузан, Мустафа аш-Шахк и др.

Обширную фактическую базу научного **исламоведения** подготовили западные исламоведы и востоковеды. Проследить историю возникновения и развития ислама и его отдельных течений, а также составить наиболее полное описание мусульманской **доктрины** в своих трудах ставили себе целью Л.Бернард, К.Э.Босворт, М.Вебер, И.Вельхаузен, И.Гольдциер, Г.Э.Грюнебаум, К.Казн, Э.У.Лэйн, А.Лямменс, А.Массэ, А.Мец, А.Мюллер, Ф.Роузентал, Д.С.Тримингэм, М.Уатт, С.Хюргронье и многие другие.

Подъем политического ислама и связанные с этим процессы исследуются в трудах А.Беннигсена, О.Карре, Н.Кедди, Ж.Кеппеля, М.Крамера, Ш.Лемерсье-Келькеже, Е.Мортимера, М.Олкотта, М.Родинсона, Я.Роя, О.Руа, Ш.Хантер, Дж.Эспозито и др.

Различные аспекты взаимообусловленности ислама и социальных процессов исследуют такие зарубежные философы, как Э.Дойч, М.Икбал, М.Шариф, М.Шодкевич и др.

Следует также назвать представителей научного мира из **центральноазиатских** государств: А.Алишееву, Б.М.Бабаджанова, С.Б.Исмаилову, Э.Мамытову, А.К.Муминова, Б.Мусаева, Г.Саидазимову, Б.Сидикова, А.Султангалиеву, С.Шохумородова и др., в своих трудах развивающих тему политизации ислама в постсоветском пространстве.

Отечественное исламоведение также имеет давнюю историю. Первые фундаментальные исследования Корана, его переводов и комментариев к нему, сунны, мусульманского права и других основных источников ислама, не потерявшие научной и исторической ценности и в наши дни, были проведены еще в дореволюционный период отечественными исламооведами, востоковедами и философами: В.В.Бартольд, Е.Крымским, Н.А.Медниковым, В.Р.Розеном, Г.С.Саблуковым, В.Славьевым, Н.Э.Торнау, А.Э.Шмидтом².

В советский период в отечественной науке сложился противоречивый подход к исследованию социальной роли ислама. Вплоть до распада СССР в отношении ислама применялся двойной стандарт. Если к «зарубежному исламу» допускались предположения относительно его позитивной роли, то отношение к «внутреннему исламу» оставалось зачастую **негативным**. Значительное количество работ, написанных в советский период представителями научного атеизма, – М.А.Абдуллаевым, М.В. Вагабовым, Г.Р. Габунией, Т. Изимбето-

---

² Бартольд В.В. Соч. М., 1966. Т. 6.; Крымский А.Е. Ваххабиты. М., 1912, Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов (по арабским источникам). СПб., 1903; Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850.

вым, Н. Кулиевым, Ф. Розенталем, Н.А. Смирновым³ - разрабатывало концепцию негативной роли ислама в духовной жизни общества. Основные проблемы, стоявшие перед представителями теории научного атеизма, — формирование массового атеистического мировоззрения как основной задачи воспитания трудящихся и обоснование антинаучной сущности ислама. Фактически ислам был выведен из официальной культурной жизни, превратившись в «пережиток прошлого», «орудие рабства женщин».

Наряду с этой литературой в этот же период в этнографии, религиоведении в работах В.В. Бартольда, Г.М. Керимова, Н.С. Кирабаева, Т.С. Саидбаева⁴ рассматривался символический мир исламских ценностей, который, однако, не связывался авторами с социальным функционированием ислама в Советском союзе. Научные исследования по исламу свелись в основном к изучению его зарубежной истории (С.Н. Григорян, Е.А. Дорошенко, З.И. Левин, Г.А. Шпажников)⁵, критике его функционирования в Советском Союзе (М.А. Абдуллаев, И.А. Макатов, С. Меликов)⁶ и изучению доисламского наследия (Н.Н. Великая, Л.И. Лавров, М.Б. Мужухоев, А.Р. Шихсаидов)⁷.

---

³ *Абдуллаев М.А. Актуальные проблемы критики и преодоления ислама. Махачкала, 1975; Вагабов М.В. О вреде религиозных пережитков // Блокнот агитатора. Махачкала, 1960; Габуния Г.Р. Критика суфизма - важная сторона преодоления мусульманской идеологии // Атеизм и религия в современной идеологической борьбе. Махачкала, 1988; Изимбетов Т. Об идеологии современного ислама // Критика религиозной идеологии. М., 1961; Кулиев Н. Антинаучная сущность ислама и задачи воспитания трудящихся в условиях современного Туркменистана. Ашхабад, 1960; Розентал Ф. Торжество знания: концепция знания в средневековом исламе. М., 1978; Смирнов Н.А. Пятьдесят лет исламоведения. // Вопр. науч. атеизма. М., 1967. Вып.4.*

⁴ *Бартольд В.В. Ислам. Петроград, 1918; Вагабов М.В. Ислам и семья. Махачкала, 1973; Керимов Г.М. Ислам и его влияние на общественно-политическую жизнь народов Ближнего и Среднего Востока. М., 1982; Кирабаев Н.С. Социальная философия мусульманского Востока (эпоха средневековья). М., 1987; Саидбаев Т.С. Ислам и общество. М., 1975.*

- Григорян С.Н. Из истории Средней Азии и Ирана (VII-XII вв.). М., 1960; Дорошенко Е.А. Шнитское духовенство в современном Иране. М., 1985; Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М., 1988; Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. М., 1976.

⁶ *Абдуллаев М.А. Указ. соч. Махачкала, 1975; Макатов И.А. Религиозное влияние в семейно-родственных отношениях и его преодоление // Вопр. науч. атеизма. 1983. № 31; Меликов С. Истинное лицо "слуг Аллаха". Орджоникидзе, 1987.*

⁷ *Великая Н.Н. Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Грозный, 1985; Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959; Мужухоев М.Б. К эволюции верований народов Центрального Кавказа в период средневековья. Грозный, 1983; Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. VII- XV вв. Махачкала, 1969.*

В отечественном обществоведении в СССР, а потом и в России, **полноценные** дискуссии об исламе, отход от прежних стереотипов относительно **социально-политических функций** ислама на Северном Кавказе и попытки построить целостные теоретические концепции в данном направлении стали возможны только в условиях начавшейся демократизации, т.е. с конца **80-х-начала 1990-х годов**, и отечественные исследователи внесли немалый вклад в разработку данной проблематики.

Среди современных отечественных ученых, исследовавших различные аспекты **арабо-мусульманской** цивилизации, исламского **права**, а также политических аспектов этой религии можно назвать: **Ш.Б.Ахмадова**, И.Л.Бабич, **В.О.Бобровникова**, А.М.Васильева, Н.М.Емельянову, **А.А.Игнатенко**, **К.В.Кривицкого**, А.В.Кудрявцева, **А.В.Малашенко**, Д.Б.Мальшеву, Д.В.Микульского, **Г.В.Милославского**, **А.В.Сагадеева**, Л.Р.Сюкияйнена, С.М.Червонной, **А.А.Ярлыкапова**⁸. Их труды внесли важнейший вклад в понимание общественно-политических проблем исламского мира, в исследование многих аспектов взаимосвязи и взаимовлияния религии, национализма, культуры и политики.

Труды ряда российских ученых посвящены вопросам ислама на Кавказе. Так, работы В.Х.Акаева, Ш.Б.Ахмадова, И.Л.Бабич, Н.М.Емельяновой,

---

⁸ *Ахмадов Ш.Б.* Имам **Мансур**. Грозный, 1991; *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999; *Бобровников В.О.* Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ 2000. №2(8); *Васильев А.М.* Пуритане ислама? М., 1974; *Емельянова Н.М.* Мусульмане **Кабарды**. М., 1999; *Макаров Д.В.* Радикальный исламизм на Северном Кавказе: Дагестан и Чечня // **Конфликт-Диалог-Сотрудничество (Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе)**. М., 1999. № 1; *Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000; *Игнатенко А.А.* Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ 2000. №2(8); *Кривицкий К.В.* Религиозный фактор в этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Религия и политика в современной России. М., 1997; *Кудрявцев А.В.* «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ 2000. №3(9); *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры на Северном Кавказе. М., 2001; *Мальшева Д.Б.* Конфликты в третьем мире и содружестве независимых государств (религиозный и этнический аспекты). Автореф. дис. ... д-ра полит. наук; *Ермаков И., Микульский Д.В.* Ислам в России и Средней Азии. М., 1993; *Сагадеев А.В.* «Исламский фундаментализм»: жизненный факт или пропагандистская фикция? // Россия и мусульм. мир: Бюл. реферат. аналит. информ. 1993. № 10; *Сюкияйнен Л.Р.* Шариат и мусульманская правовая культура. М., 1997; *Хайретдинов Д.* Ислам в Осетии: Информационные материалы Исламского конгресса России. М., 1997; *Червонная С.М.* Тюркский мир Юго-восточной Европы. Крым-Северный Кавказ // Die Welt der Tuzwischen der Krim und der Nordkaukasus / Берлин, 2000; *Ярлыкапов А.А.* Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: к постановке проблемы // Бюллетень № 3 Владикавказского центра этнополитических исследований ИЭА РАН. Владикавказ, 1999.

Д.В.Макарова, **Д.Хайретдинова**⁹ посвящены роли религии в жизни различных кавказских этносов, а отечественные историки В.В.Дегоев, Н.А.Смирнов, **А.С.Яндаров**¹⁰ и др. посвятили свои исследования Кавказской войне и детально проанализировали проблему **исламизации** региона именно в этот период времени. Среди зарубежных авторов, занимающихся этой проблемой можно отметить **М.Гаммера** и **Б.Нихада**.

Интересные публикации по современным политическим аспектам **ислама**, в том числе на Северном Кавказе, принадлежат: В.О.Бобровникову, А.В.Кудрявцеву, К.И.Полякову, С.М.Червонной, **А.А.Ярлыкапову** и др.¹¹ Эти ученые, ранее в основном исследовавшие проблемы мусульманского зарубежья, одними из первых в нашей стране в постсоветский период **приступили** к изучению состояния и развития ислама, прежде всего его политизированных форм, на Северном Кавказе.

На региональном уровне серьезный вклад в осмысление проблемы внесли труды востоковедов, исламоведов, историков, философов, представителей других отраслей знания в области гуманитарных наук: М.А.Абдуллаева, А.В.Авксентьева, **М.Б.Мужухоева**, Р.А.Ханаху, А.Р.Шихсаидова¹² и др. Среди них и ростовские исследователи - Ю.Г.Волков, **Г.С.Денисова**, Ю.А.Жданов,

---

⁹ **Акаев В.Х.** Шейх **Кунта-Хаджи**: жизнь и учение. Грозный, 1994; **Акаев В.Х.** Ислам и политика (на материалах современной Чечни) // Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2000; **Ахмадов Ш.Б.** Имам **Мансур**. Грозный, 1991; **Бабич И.Л.** Указ соч.; **Емельянова Н.М.** Мусульмане **Кабарды**. М., 1999; **Макаров Д.В.** Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 1998; **Макаров Д.В.** Дагестан на рубеже веков: Приоритеты устойчивого и безопасного развития. М., 1998; **Хайретдинов Д.** Указ. соч. М., 1997.

¹⁰ **Блиев М.М., Дегоев В.А.** Кавказская война. М., 1994; **Смирнов Н.А.** Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958; **Яндаров А.Д.** Суфизм и идеология национально-освободительного движения. **Алма-Ата**, 1975.

¹¹ **Бобровников В.О.** Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ 2000. №2(8); **Кудрявцев А.В.** «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ 2000. №3(9); **Поляков К.И.** Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX в. (на примере арабских стран) // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под. ред. **А.Малашенко** и **М.Б.Олкотт**. М., 2001; **Червонная С.М.** Тюркский мир Юго-восточной Европы. Крым-Северный Кавказ // Die Welt der Tuzwischen der Krim und der **Nordkaukasus** / Берлин, 2000; **Ярлыкапов А.А.** Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: к постановке проблемы // Бюллетень № 3 Владикавказского центра этнополитических исследований ИЭА РАН. Владикавказ, 1999

¹² **Абдуллаев М.А.** Из истории философской и общественно-политической мысли Дагестана XIX в. М., 1968; **Авксентьев А.В.** Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973; **Мужухоев М.Б.** К эволюции верований народов Центрального Кавказа в период средневековья. Грозный, 1983; **Ханаху Р.А.** Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Ростов-на-Дону, 2001; **Шихсаидов А.Р.** Ислам в средневековом Дагестане VII- XV вв. Махачкала, 1969.

Ю.Е.Милованов, М. Р. Радовель, В.Н.Рябцев, Л.Л.Хоперская, В.В.Черноус, В.Н.Шевелев¹³ и др. Работы названных ученых ценны тем, что в них содержатся интереснейшие сведения, отражающие специфику этноконфессиональной ситуации на Северном Кавказе, а также исследуются различные субъекты современного исламского движения в регионе.

Тем не менее все еще наблюдается явный недостаток исследований непосредственно по исламу в северокавказском регионе, их некоторая односторонность. Наряду с этим необходимо особо подчеркнуть тот факт, что количество исследований, специально посвящённых проблеме анализа социальных функций ислама, незначительно. Только в последние годы появились работы ученых региона, напрямую касающиеся проблем современного ислама на Северном Кавказе и их воздействия на социально-политический процесс.

Среди исследований, уделяющих большое внимание анализу социальных функций ислама, можно выделить А.В.Авксентьева, В.Х.Акаева, З.С.Арухова, С.Е.Бережного, И.П.Добаева, А.А.Игнатенко, Э.Ф.Кисриева, П.В.Крайнюченко, З.И.Левина, С.А.Ляшеву, А.В.Малашенко, Е.Б.Рашковского, М.Т.Степанянц, Е.А.Фролову, К.М.Ханбабаева¹⁴ и ряда других. Ими основательно проанализи-

---

¹³ Волков Ю.Г. Государственная и региональная идеологии в процессе модернизации общества на Юге России // Современное общество на Юге России: основные тенденции развития: Сборник докладов всерос. науч. конф. - Ростов н/Д, 2001; Волков Ю.Г., Попов А.В. Проблемы формирования идеологий регионального уровня. - Ростов н/Д, 2000; Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. Ростов-на-Дону, 2000; Жданов Ю.А. Солнечное сплетение Евразии. Ростов н/Д, 1999; Милованов Е.Ю. «Анклавизация» территорий Северо-Кавказского региона: содержание процесса и проблемы исследования // Насилие в современной России: Тез. докл. науч. конф. Ростов н/Д, 1999; Рябцев В.Н. Конфликтологическая работа на Кавказе в аспекте этнонациональных отношений: проблемы и перспективы. Ростов н/Д, 1999; Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. Ростов н/Д., 1997; Черноус В.В. Ислам в этноконфессиональной ситуации на Северном Кавказе (вместо предисловия) / Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2001; Шевелев В.Н. Модернизация исламских обществ. дис.... д-ра. филос. наук Ростов-на-Дону, 1997.

¹⁴ Авксентьев А.В. Указ. соч.; Авксентьев А.В., Аксиев А.З. Современные этнокультурные процессы на Северном Кавказе // Проблемы философии культуры. Ставрополь, 1999; Акаев В.Х. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: миф или реальность // Центральная Азия и Кавказ. 2000. №3(9); Арухов З.С. Концепция джихада в раннем исламе. Дис.... канд. филос. наук. Махачкала, 1995; Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999; Бережной С.Е., Добаев И.Л., Крайнюченко П.В. Ислам в современных республиках Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2002; Добаев И.П. Традиционализм и радикализм в современном Исламе на Северном Кавказе // Ислам и политика на Северном Кавказе Ростов-на-Дону. 2000; Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике (на примере регионов Ближнего, Среднего Востока и Северного Кавказа). Ростов-на-Дону. 2000; Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, 2002; Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика / Отв. ред. В.Я.Белокриницкий и

рованы социальные, гносеологические, онтологические и психологические основания **ислама**, его течений и направлений, место человека в мире, восприятие им Бога и соотношение с ним, другие философские и **социально-политические** вопросы.

Наиболее исследованными аспектами проблемы являются социально-экономические и политические предпосылки возникновения и развития исламского радикализма, а также влияние процесса модернизации на его формирование и усиление. Эти вопросы достаточно подробно рассмотрены как в отечественной, так и западной научной литературе. Менее изученными аспектами являются социально-экономические, политические и **социально-психологические** аспекты, позволяющие рассматривать ислам в качестве фактора интеграции социокультурного пространства региона.

Опираясь на результаты анализа положений, изложенных в работах этих ученых, можно поставить вопрос о системном осмыслении роли ислама в социокультурном пространстве Северного Кавказа. Он предполагает рассмотрение всего разнообразия социальных функций ислама и сопоставление этой религии как интегрирующей силы с другими идеологическими источниками, детерминирующими интеграцию региона. Именно этой проблеме посвящена данная работа.

Объектом исследования выступает социокультурное пространство Северного Кавказа.

Предметом анализа избрана роль ислама в формировании культурной целостности региона.

Цель и задачи исследования. Целью работы является изучение социокультурной роли ислама в поликультурных и геополитических условиях Северного Кавказа. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

А.З.Егорин. М., 2001; Кисриев Э. Дагестан: причины конфликтов и факторы стабильности // Центральная Азия и Кавказ 2000. №4(10); **Левин З.И.** Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. **М., 1988; Левин З.И.** Мусульманское реформаторство и политика // Ислам и исламизм / Под общ. ред. **Е.М.Кожокина, В.И.Максименко. М., 1999; Лягушева С.А.** Религиозное и национальное в традиционной культуре // Известия ЦСИ МГТИ. Философия, социология, политология. Майкоп, 1999; **Малашенко А.В.** Исламские ориентиры на Северном Кавказе. М. 2001; **Рашковский Е.Б.** Ислам: от племенных обществ - к постиндустриальной эпохе // Восток. 2001. № 1; **Степанянц М.Т.** Мусульманские концепции в философии и политике XIX-XX вв. М., 1982; **Степанянц М.Т.** Реформаторство как антитеза традиционности // Бог - человек - общество в традиционных культурах Востока / Отв. ред. М.Т.Степанянц. М., 1993; **Фролова Е.А.** Человек - мир - бог в средневековой исламской культуре // Бог - человек - общество в традиционных культурах Востока. М., 1993; **Ханбабаев К.М.** Суфизм в Дагестане // Ислам и политика на Северном Кавказе / Северо-Кавказское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып.1 / Отв. ред. В.В.Чернуос. Ростов н/Д, 2001.

- обосновать теоретико-методологический подход к анализу социокультурного пространства на региональном уровне.
- раскрыть специфику социокультурного пространства Северного Кавказа.
- выявить различие влияния специфических механизмов интериоризации северокавказского региона центров российского и исламского культурных миров на формирование регионального социокультурного пространства.
- выделить эндогенные факторы, обуславливающие проявление дезинтегрирующего потенциала ислама на Юге России.
- проанализировать геополитический аспект дезинтегрирующей роли ислама на Юге **России**.
- определить условия использования интеграционного потенциала ислама российским центром для укрепления общероссийского социокультурного пространства в северокавказском регионе.

Методологическая и теоретическая основа. Исследование проблемы осуществляется с опорой на общие и специальные политологические, социологические, социально-философские, культурологические и другие познавательные методы, в своей системе образующие методологию диссертационного исследования. Поставленные задачи решаются при помощи структурно-функционального, логического, исторического и других общенаучных методов.

Разработка и обоснование концепта социокультурного пространства осуществлялись на основе базовых идей классической философии и социологии - Р.Декарта, Т.Гоббса, Г.В. Лейбница, Б.Спинозы, Ф.Ратцеля, Г.Зиммеля, **Э.Дюркгейма**, Р.Парка, **Э.Богардуса**, Л.фон Визе, А.А.Кубера.

При анализе социокультурной составляющей социального пространства были использованы идеи П.Сорокина и **П.Бурдье**. Методологической основой исследования социокультурного пространства выступили базовые идеи классиков культурологии - Э.Шиллза, **С.Н.Айзенштадта** и **А.И.Ракитова** - о наличии культурного ядра («центральной ценностной системы») и культурной периферии.

Источниковую базу исследования составляют официальные государственные, ведомственные, нормативные, правовые документы России, результаты социологических и социально-психологических исследований, проведенных в ряде регионов Северного Кавказа, СМИ северокавказских республик, другие оригинальные материалы по проблемам межнациональных и федеративных отношений, монографические работы представителей политической и научной элиты народов Северного Кавказа.

Научная новизна диссертационного исследования. Принципиально новым является предложенный подход к анализу изучения социокультурного пространства на **региональном** уровне, позволяющий соотнести степень влия-

ния на него различных **центров** культуры по степени распространенности ценностей, норм и принципов организации **общества**. В содержательном плане научная новизна исследования состоит в следующем:

- аргументирована **эвристичность** применения к анализу динамики **социокультурного** развития Северного Кавказа методологических концепций **Э.Шиллза, С.Н.Эйзенштадта** и П.Бурдые.
- обоснована содержательная специфика социокультурного пространства Северного Кавказа, проявляющаяся в явлении культурной интерференции - наложении и одновременном противоречивом присутствии культурных комплексов России, «исламского мира» и самобытной культуры Северного **Кавказа – которая** в кризисные периоды социального функционирования выступает **конфликтогенным** фактором.
- выявлено различие механизмов культурного влияния различных центров (собственно России и «исламского мира») на народы Северного Кавказа, заключающееся в задействовании институтов различных социальных подсистем.
- исследован феномен эндогенной государственности политизированного ислама как фактора формирования **дезинтеграционных** тенденций в социокультурном пространстве Северного **Кавказа**.
- проанализированы **мобилизационно-политические** возможности ислама в глобальной и региональной геополитике. Показано, что геополитическими противниками России на Северном Кавказе особенно успешно реализуются **туранский и арабо-исламский мегапроекты** по конструированию здесь новых «больших пространств». Их практическое осуществление усиливает **центробежные** тенденции в северокавказском регионе.
- рассмотрены условия использования интегрирующего потенциала ислама российским центром, которые заключаются в необходимости создания разнотипных условий для последующей модернизации российского ислама.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Неоднородность природной среды Северного Кавказа, культурная гетерогенность населения региона и высокая степень плотности межкультурных контактов определяют наибольшую эффективность и эвристичность изучения специфики формирования этого региона на базе концепций «центра-периферии» Э.Шиллза и **С.Н.Айзенштадта** и социальной топографии П.Бурдые. Их применение позволяет определить социокультурное пространство Северного Кавказа как поле, создаваемое взаимодействием двух доминирующих и различных **культурно-цивилизационных** центров - России и «исламского мира», под влияние которых разные народы региона попадают в неодинаковой степени, что и объясняет фрагментарность распространения в пространстве Северного Кавказа российского и исламского культурных комплексов.

2. Удаленность и ландшафтная обособленность Северного Кавказа от центров доминирующих культур и историческая укорененность их влияния на народы региона обусловили одновременно взаимное ослабление (и даже зачастую погашение) культурных импульсов (культурная **интерференция**), шедших на Северный Кавказ с Юга и с Севера. Это явление в определенной степени способствовало консервации самобытной культурной традиции кавказских народов, которая препятствовала (и до сих пор препятствует) развитию **модернизационных** процессов на собственной кавказской основе, что обуславливает сохранение одновременного присутствия противоречащих друг другу альтернатив социального развития региона.

3. Разобщенность северокавказских обществ сделала возможной интериоризацию северокавказского региона исламским и российским культурными комплексами, формировавшими различные типы идентичности: культурно-религиозный (включающий государственно-политический аспект) и **гражданственно-политический**. Незначительность расхождения между исламским и северокавказским культурными комплексами и отсутствие механизмов включения северокавказского региона в зону административно-хозяйственного управления стран исламского мира определили в качестве основного механизма интериоризации конфессиональный фактор, включающий в себя **политико-правовой** аспект (построение государственности на принципах шариата). **Интериоризация** Северного Кавказа Россией требовала гораздо более радикальных преобразований, что сместило акценты на демографический, военный, политико-правовой, экономический и просветительский механизмы **интериоризации**.

4. Одной из главных внутренне обусловленных особенностей ислама является нераздельное единство духовного и светского, ислама и политики, предполагающих единство идеологии и религии. Условно в религиозной системе ислама можно выделить два основополагающих аспекта: чисто религиозный (великая мировая религия ислам) и мобилизационно-идеологический (который ради достижения поставленных политических целей трансформирует религию-веру в идеологический инструмент). Путем интегрированности политической, экономической, культурной подсистем ислам оказывается в большей степени, чем другие мировые религии, включен в систему социального регулирования, что позволяет говорить о факте наличия в нем эндогенной государственности.

Актуализация основополагающих элементов фундаментального ислама, подчеркивающего теократическую **государственность**, создает возможность его использования радикально настроенными оппозиционными силами в инструментальных целях как средство дезинтеграции общероссийского политического пространства в период его переструктурирования.

5. На современном этапе существует целый ряд мегапроектов по переориентации Кавказа на различные геополитические центры силы, среди которых

особо выделим **туранский** (Турция) и **арабо-исламистский** (Саудовская Аравия). Оба носят **внутриисламский** интеграционный характер и активно эксплуатируют религиозно-этнический фактор в борьбе за вытеснение Северного Кавказа из сферы национальных интересов России. Победа одного из **мегапроектов** будет определена тем, какой из центров сумеет наиболее оптимальным способом использовать конфессиональную связанность и тем самым **интериоризировать** данный регион.

Российский центр на определенном этапе постсоветской эпохи самоустранился от взаимодействия с северокавказским исламским движением в целях использования его потенциала в сфере укрепления российского **социокультурного** пространства в регионе, что не может не ослаблять позиции России как центра культурного притяжения региона.

6. За период российского этапа истории народов Северного Кавказа так и не были сформированы прочные «органические» (используя терминологию **Э.Дюркгейма**) связи, соединяющие их в единый региональный комплекс. Кризис социалистической идеологии, выступавшей в качестве **механизма**, интегрировавшего прежде Северный Кавказ в пространство России при недостаточной эффективности в постсоветский период административных мер укрепления северокавказского единства и слабости горизонтальных экономических и культурных связей привел к сегментации указанного культурного пространства.

В этих условиях интегративный потенциал **ислама**, его **надэтнический**, **внесловный** и внеродовой характер позволили говорить о нем как об **идеологии**, на базе которой геополитические противники России и сепаратистски настроенные силы пытаются достичь единства на межэтническом и межреспубликанском уровнях. Пророссийская роль ислама возможна лишь в том случае, если федеральный и региональный центры смогут создать необходимые условия для модернизации северокавказского ислама, трансформации его в «российский ислам».

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в дальнейшей разработке и конкретизации ряда ключевых категорий философии культуры и рассмотрении научно значимых проблем современного социокультурного процесса.

Материалы исследования и его выводы могут быть использованы органами государственной власти, занимающимися проблемами культурной политики и образования, в целях формирования культуры межнационального и межрелигиозного общения и межкультурной коммуникации с учетом тенденций развития современного общества. Материалы диссертации представляют определенный интерес для средств массовой информации как общественного института, непосредственно влияющего на весь спектр культурного процесса.

Теоретические и практические выводы диссертации могут быть использованы в учебном процессе: в преподавании как базовых курсов социальной философии, культурологии, социологии культуры, концепций современного естествознания, так и цикла спецкурсов и курсов по выбору. Отдельные разделы диссертационного исследования могут быть положены в основу спецкурса «Философские проблемы социологии культуры».

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в выступлениях на научных и научно-практических конференциях: III Всероссийском философском конгрессе «Рациональность на пороге III тысячелетия» (16-20 сентября 2002 г., г.Ростов-на-Дону); Всероссийской **научно-теоретической** конференции «Геополитика Кавказа: терроризм, **этнонационализм**, экстремизм» (26 июня 2002 г., г.Ростов-на-Дону); межвузовской региональной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Россия на пороге нового тысячелетия: проблемы, тенденции, модели» (25 апреля 2000 г., г. Ростов-на-Дону).

Основные идеи диссертации излагались в аналитических и экспертных докладах, направляемых руководителям администраций республик, краев и областей Южного федерального округа и Минпечати **России**, подготавливаемых Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Минпечати России, где в течение ряда лет работал диссертант.

Основные положения и выводы диссертации изложены в четырех публикациях, общим объемом 2 печатных листа.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав (содержащих 6 параграфов), заключения и списка литературы. Объем диссертации – **147** страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определяются цели и задачи работы, показывается ее новизна и практическая значимость.

Первая глава «Теоретико-методологические основы изучения социокультурного пространства Северного Кавказа» состоит из двух параграфов.

Первый параграф «*Методологические предпосылки изучения социокультурного пространства на региональном уровне*» посвящен **концептуализации** понятия «социокультурное пространство» в теоретико-социологическом ключе. В параграфе исследуется эволюция взглядов на социокультурное пространство, уточняется формулировка инструментального аппарата исследования - понятий «социокультурное пространство», «культурное ядро» - «культурная периферия», «культурная интерференция», определены конституирующие элементы социокультурного пространства. С опорой на работы Р. Декарта, Т. Гоббса, Г.В. Лейбница, Б. Спинозы, **Ф. Ратцеля**, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, Р. Парка, Э. Богардуса, Л. фон Визе, А.А. Кубера, П. Сорокина, П. Бурдые и др., показывается, как углублялось понимание концепта социокультурного пространства.

Несмотря на то, что первые попытки анализа специфики социального пространства предпринимаются в XVII в. и связаны с трудами Р. Декарта, Т. Гоббса, Г.В. Лейбница, Б. Спинозы и других великих **мыслителей** этого столетия, возникновение феномена социокультурного пространства в качестве самостоятельного объекта исследования происходит лишь в XX в. Это объективно диктовалось самим ходом исторического процесса, который в тот период сопровождался бурными изменениями в различных областях общественной жизни, что не могло не сказаться на содержании социальных теорий. Потребность в разработке понятия социокультурного пространства была вызвана регионализацией как тенденцией социального развития и необходимостью объяснения различия протекания сходных процессов на разных территориях. Отсюда - проблема понятия, в котором пересеклись и территория, и специфика социального и культурного - «социокультурное пространство».

Поиск детерминант социокультурного пространства приводит к констатации необходимости анализа воздействия природной среды на специфику социокультурных отношений и взаимодействий, который разрабатывается в трудах таких исследователей, как Л.С. Берг, Л.Н. Гумилев, С.В. Калесник, П.Н. Савицкий. Общим для них является положение, что сама культура, которую мы можем трактовать в символично-коммуникационном смысле, т.е. ценности, смыслы, символы, технологии деятельности и паттерны, формируется в процессе хозяйственного освоения природной среды ассоциациями людей, которые, будучи поставлены в единые природные и экономические условия, и обра-

зуют общности. Традиционно-общинный способ организации жизни и доминирующий аграрный сектор занятости предопределяют принцип организации людей и формирования **межобщностных** отношений: в этом качестве выступают именно этнокультурные характеристики. Вышесказанное позволяет сделать предварительный вывод, что для **культуротворчества** первичны не профессиональные или демографические группы, а этнические общности.

Закрытость этнических культур ставила проблему интеграции в более крупные **сообщества**, которая происходит в истории под воздействием завоевательной политики **какого-либо** государства или распространения какой-либо системы идей: в обоих случаях налицо центр интеграции социокультурного **пространства**, который продуцирует базовые ценности, нормы, принципы организации обществ и задает их всем остальным народам, втягивая их функционирование в поле своего притяжения. В этом отношении социокультурное пространство можно структурировать по степени выработки, распространенности и поддержания культурных норм, образцов и ценностей, идущих от центра к периферии.

Наиболее проблемными в таком случае являются регионы, где друг на друга накладываются ценности и нормы, вырабатываемые достаточно отдаленными центрами. Здесь возникает культурное явление наложения **разновекторных** силовых полей, идущих от разных культурных центров. Оно напоминает явление интерференции в физике, поэтому его можно условно обозначить как феномен «культурной интерференции». К таким регионам можно отнести районы **межцивилизационных** контактов, в том числе и Северный Кавказ.

Неоднородность природной среды Северного Кавказа, культурная гетерогенность населения региона и высокая степень плотности межкультурных контактов определяют наибольшую эффективность и эвристичность изучения специфики формирования этого региона на базе концепций «центра-периферии» Э. Шиклза и С.Н. Айзенштадта и концепции социальной топографии П. Бурдьё. Их применение позволяет определить социокультурное пространство Северного Кавказа как поле, создаваемое взаимодействием двух доминирующих и различных **культурно-цивилизационных** центров: России и «исламского мира» - под влияние которых в различной степени попадают разные народы региона, что объясняет фрагментарность распространения в пространстве Северного Кавказа российского и исламского культурных комплексов.

Второй параграф «Специфика социокультурного пространства Северного Кавказа» посвящен анализу северокавказского социокультурного пространства, выявлению специфических для этого региона черт культурного ландшафта, определению доминирующих и периферийных культурных центров и анализу того, как все это отражалось на социальной сфере. Все эти позиции рассмотрены диссертантом на материале исторического формирования региона.

В северокавказском социокультурном пространстве **наложились** друг на друга ценности и нормы, вырабатываемые достаточно отдаленными центрами, что было обусловлено особым географическим положением, исторически предопределившим его судьбу и роль естественного моста между Европой и Азией. Наиболее сильное влияние ощущалось со стороны исламского культурного комплекса (ранее - Персия, Османская империя, ныне - Турция, Пакистан, Саудовская Аравия и др.) и российского, для которых Северный Кавказ выступал в качестве периферийной социокультурной зоны.

Удаленность и ландшафтная обособленность Северного Кавказа от центров доминирующих **культур**, историческая укорененность их влияния **на** народы региона и неоднократная смена центров интеграции и, соответственно, векторов развития определили многообразие северокавказского социокультурного пространства. Но эти же факторы препятствовали расширению горизонтальных межэтнических связей и формированию культурной интеграции собственно северокавказских народов, посредством чего можно было бы достичь органической взаимосвязи различных народов региона. Одновременное влияние двух культурных центров (России и исламского мира) обусловило взаимное ослабление (и даже иногда погашение) культурных импульсов и консервацию самобытной культурной традиции кавказских народов, которая выступала препятствием для развития **модернизационных** процессов на собственной кавказской основе. Применение к **анализу** специфики культуры Северного Кавказа символично-коммуникационной концепции, т.е. анализ ее как системы идей, ценностей, представлений, позволяет выделить в ней три культурных комплекса: 1. собственную культурную самобытность **этносов**, населяющих территорию Северного Кавказа. 2. российскую культуру. 3. исламскую культуру. Ослабление одного из данных социокультурных комплексов исторически усиливает позиции альтернативного комплекса и в значительной степени определяет вектор развития северокавказских **этнокультур**.

Во *второй главе* «Северный Кавказ как диффузная **этноконтактная зона**» диссертант анализирует различие специфических механизмов **формирования** регионального социокультурного пространства центрами российского и исламского культурных миров.

В *первом параграфе* «Северный Кавказ как периферия Российского государства» рассматривается роль российского центра в формировании северокавказского социокультурного пространства и определении его конфигурации. Поскольку целенаправленно Северный Кавказ стал осваиваться Россией с середины XIX в., временные рамки исследования ограничены второй половиной XIX - началом XXI вв.

Вторая половина XIX в., вплоть до октябрьской революции 1917 г., связана с началом процесса становления русско-кавказской культуры, **складываю-**

щегося феномена **«российскости»**¹⁵ - тенденции к историческому партнерству народов в составе России, выполняющей интегрирующую роль внутри своей этносферы. Русский канал влияния на культуру народов Северного Кавказа постепенно вытесняет роль восточного - иранского, арабского, турецкого. Разобщенные между собой северокавказские общества в этот период были поглощены Россией как одним из мощных **культуротворящих** центров, который задал им ритм социального развития, используя при этом различные механизмы: демографический, военный, политико-правовой, экономический, просветительский, конфессиональный. Все эти факторы, привнесенные Россией и направленные на адаптацию этнической культуры к российской культуре универсального типа и интеграцию первой в рамках последней, объективно сблизили народы Северного Кавказа друг с другом, сделали его составной и яркой частью **цивилизационно-культурного** пространства России.

Коренным образом ситуация меняется в период с 1917 по конец 80-х гг., который явился наиболее значительным этапом в процессе интеграции Северного Кавказа и включения его в структуру российского пространства. Старые механизмы интеграции были использованы в этот период в видоизмененном варианте, содержательно сводившемся к вытеснению этнического и конфессионального компонентов. Именно в этот период «... были созданы предпосылки для преодоления центробежных тенденций и было положено начало реализации политической программы, основанной на социальной инженерии, этносоциальном и этнокультурном конструировании. В процессе созидания советского общества происходит формирование этнонаций и национальных культур северокавказских народов как части системной советской **культуры»**¹⁶. Интеграционным фактором выступает уже не столько **«российскость»** как следствие диалога культур, сколько **«советскость»** как идеологическая **общность**, следствие этнокультурной инженерии в ходе социалистической модернизации.

Кризис социалистической идеологии, составлявшей мировоззренческую основу системной целостности **метанациональной** общности советского народа и его культуры в конце 80-х - начале 90-х гг. XX в. привел к фрагментированию постсоветского культурного пространства, которое вновь сегментируется на северо-кавказскую **культуру** традиционного типа и исламскую и российскую

---

¹⁵ *Блиев М.М.* О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // История СССР. 1991. № 6; *Блиев М.М., Дегоев В.А.* Кавказская война. - М., 1994; *Виноградов В.Б., Шейха А.* Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая пол. XVIII - первая треть XIX). Армавир-Грозный. 1996; *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. *Черноус В.В.* Ислам в этноконфессиональной ситуации на Северном Кавказе (вместо предисловия) / Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2001.

¹⁶ *Переверзев А.Е.* Русские на Северном Кавказе: социокультурная роль и статусные позиции. Ростов н/Дону, 2001. С.55.

культуры, находящиеся в состоянии латентной и открытой **конфликтности**¹⁷. В этот период системный баланс культур, сложившийся на Северном Кавказе, оказался нарушен, что привело к всеобщему кризису не только советской, но и российской идентичности. Такая политика создавала образ российской культуры как вторичной, что не могло не иметь деструктивных последствий. Доминантная, интернациональная роль российской культуры на Северном Кавказе стала утрачиваться. В итоге кризис российской идентичности привел к возобновлению **многоканальности**, прежде всего, каналов восточного культурного влияния, и на этой основе актуализировал этническую, религиозную северокавказскую и кавказскую самоидентификацию горских народов в **цивилизационно-культурной** оппозиции России.

На данный момент очевидна тенденция ослабления доминантной роли российской культуры на Северном Кавказе и борьбы за замещение ее западной массовой культурой и различными исламскими (чаще даже исламистскими) течениями. Северный Кавказ постепенно приобретает в цивилизационно-культурном отношении все более существенные восточные черты, восстанавливает **исламизированную ментальность**. Это обстоятельство делает оправданной постановку вопроса о степени интегрированности северокавказской культуры в общероссийскую и приводит к выводу, что северокавказский регион оказывается исторически лишь частично интегрированным в структуру российского социального пространства в политическом и культурном отношении.

Во *втором параграфе* «Северный Кавказ как периферия исламского мира» рассматривается роль исламской культуры в формировании северокавказского социокультурного пространства и определении его конфигурации.

Незначительность расхождения между исламским и северокавказским культурными комплексами и отсутствие механизмов включения северокавказского региона в зону административно-хозяйственного управления стран исламского мира определили в качестве основного механизма интериоризации конфессиональный, включающий в себя политико-правовой аспект (построение государственности на принципах шариата). При этом процесс исламизации на Северном Кавказе характеризовался неоднократной сменой **культуротворящих** центров, которая определила его асинхронный и «волновой» характер. В любом случае в начале XIX в. ислам на Северном Кавказе уже имел прочные **позиции**, а мусульманское духовенство представляло серьезную политическую и идеологическую силу. Только в Чечне в тот период насчитывалось около 300, в Кабарде — более 100, а в Дагестане не менее полутора тысяч **мечетей**¹⁸.

---

¹⁷ Черноус В. В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1993. №3.

¹⁸ Авксентьев А. В. Указ. соч. - С.37.

Ситуация начинает меняться в 1917 г., с приходом к власти большевиков, для которых вопрос об отношении к исламу стоял достаточно остро. Некоторые авторы, в частности российский исследователь А.В. Малащенко, выделяет несколько периодов в отношении к исламу советской власти. «Первый охватывает семь-восемь лет после установления советской власти, и для него характерен поиск компромисса с исламом как с мировоззрением и социокультурной системой, которую большевики рассчитывали использовать для закрепления своего правления. Доминирующей тенденцией второго этапа (с середины 20-х гг. и до начала Великой Отечественной войны) явилось противостояние власти и ислама, попытки подавить религию. Третий период (середина 40-х - 50-е гг.) с небольшими оговорками можно назвать «религиозной оттепелью». Четвертый, для которого характерно новое ужесточение позиции, охватывает 60–70-е и первую половину 80-х годов. Пятый, самый краткий период – годы горбачевской перестройки, он завершился в 1991 г. вместе с распадом СССР»¹⁹.

В результате целенаправленной борьбы влияние и роль ислама в Советском Союзе пошли на убыль. При тоталитарной системе «внутренний ислам» не представлял для советской власти реальной опасности. Облечение антисоветских взглядов в религиозную форму носило ограниченный, не организованный характер и успешно пресекалось соответствующими службами. Такая ситуация сохранялась вплоть до 90-х гг.

В 90-е гг. на Северном Кавказе вновь набирает силу исламское возрождение, органической частью которого становится политизация ислама. Влияние ислама в республиках Северного Кавказа **возросло**, мусульманские **ценности** стали восприниматься как основа возрождения духовности горцев (как и православие у русских). Процесс религиозного возрождения идет параллельно с **этнонациональным**. Ислам и национализм на Северном Кавказе как бы взаимно поддерживают и подпитывают друг друга²⁰.

Наряду с неравномерностью процесса исламского возрождения следует отметить крайнюю неоднородность исламского движения на Северном Кавказе, которое представлено различными общественно-политическими субъектами, отстаивающими собственные интересы и цели: в нем можно выделить пророссийское течение (традиционалисты, в том числе и представители официального ислама) и течение, склонное к исламской интеграции (радикальные движения и группировки). Если первая группа субъектов относится лояльно к государственному устройству республик и России в целом, поддерживая государственную власть в ее миротворческих, экономических **функциях**, то характерными особенностями второй группы субъектов являются конкурентное отношение к

¹⁹ Малащенко А.В. Исламские ориентиры на Северном Кавказе. М. 2001. С.37.

²⁰ Пырлин Е. Пока относительно спокойно... надолго ли? // Вестник «авторская пресса». 1999. №25 (29). С.27.

сложившейся **традиции**, отрицание **этнонациональных** особенностей и преследование радикальных целей вплоть до изменения политической **системы**, духовно-культурной идентичности российских **мусульман**²¹.

Рассмотрению современного состояния северокавказского социокультурного пространства посвящена **третья глава «Роль ислама в трансформации современного социокультурного пространства Северного Кавказа»**.

В первом параграфе *«Эндогенная государственность в исламе как фактор формирования дезинтеграционных тенденций в социокультурном пространстве Северного Кавказа»* исследован феномен эндогенной государственности политизированного ислама как фактора формирования дезинтеграционных тенденций в социокультурном пространстве Северного Кавказа.

Одной из главных особенностей ислама является единство духовного и светского, ислама и **политики**, обуславливающее единство идеологии и религии. Условно можно выделить две части в религиозной системе ислама: собственно религиозную (великая мировая религия ислам) и идеологическую (превращенные формы ислама, которые ради достижения поставленных их инициаторами политических целей трансформируют религиозную часть в идеологический инструмент). За счет **интегрированности** политической, экономической и культурной подсистем, ислам в большей степени, чем другие мировые религии, включается в систему социального регулирования, что позволяет говорить о факте наличия в нем эндогенной **государственности**.

Внедрение «политизированного ислама», которому внутренне присуща неотъемлемая идея государственности, в российское пространство в период реструктурирования его политической организации создает возможности использования ислама в инструментальных целях, что содержит способный дезинтегрировать общероссийское политическое пространство потенциал, реализующийся ныне в северокавказском пространстве.

Результатом такого положения дел на Северном Кавказе явилось наличие двух эволюционных путей развития: первый путь предполагает реализацию проекта государственности на принципах шариата, второй ориентирован на сохранение российской государственности. Любое ослабление российской государственности тут же заполняется внешним, зачастую политизированным, радикальным, исламом, предполагающим альтернативную российской государственность. Так случилось и в конце 80-х гг., которые ознаменовались ослаблением коммунистической **идеологии**, роли российского центра и российского культурного комплекса.

Второй параграф ««Исламский проект» реструктурирования социокультурного пространства Северного Кавказа» посвящен анализу роли геополитики

---

²¹ *Акаев В.А.* Ислам и политика (на материалах современной Чечни) / Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону. 2000. С.56.

литики в использовании мобилизационно-политических возможностей ислама для дестабилизации политической обстановки на Юге России, что проявляется в реализации внешнеполитическими субъектами различных **мегапроектов** (В частности, **туранский** и **арабо-исламистский**) по переструктурированию социокультурного пространства Северного Кавказа.

Согласно утверждению известного отечественного исследователя-исламоведа И.П. **Добаева**, сегодня существует целый ряд мегапроектов по конструированию «больших пространств» на **Кавказе**, среди которых он выделяет три, представляющие наибольшую угрозу геополитическим интересам России в регионе: американский (**США**), туранский (Турция) и арабо-исламистский (Саудовская Аравия). Два последних носят **внутриисламский** интеграционный характер и активно эксплуатируют религиозно-этнический фактор в борьбе за вытеснение Северного Кавказа из сферы притяжения к России. Реализация **арабо-исламистского** и **туранского** геополитических **мегапроектов** на Северном Кавказе сопровождается на современном этапе обострением конкуренции между этими двумя объединительными тенденциями, которые основываются на противоположно декларируемых задачах. Панисламский фундаментализм, составляющий основу исламистского проекта, апеллирует к межнациональному уровню объединения мусульман, а «мусульманский национализм», составляющий ядро пантюркизма, к собственно национальному. Сторонники теории исламской солидарности в Саудовской Аравии, Иордании, Иране и других странах призывают всех мусульман объединиться вне национально-географических рамок, тогда как идеологи пантюркизма в лице, в первую очередь, Турции выступают за обособление мусульман региона на **этно-религиозной** основе и выделение данной общности в самостоятельное государственно-политическое образование. Эти две ведущие тенденции в исламе в одинаковой степени ведут к появлению принципиально новых силовых величин в обширном регионе. При определенных условиях они могут стать центрами сближения мусульманских государств и народов и оказывать влияние на возможный передел мира.

Успех оппозиционной неофициальной (альтернативной) региональной элиты, активно использующей исламскую риторику и ориентированной на культурные центры исламского типа, осуществляющих экономическую поддержку своих приверженцев в этом регионе, заставляет, в свою очередь, российскую администрацию прибегать через официальные региональные элиты, проводящие промосковскую политику, но вынужденные **манипулировать** общественным сознанием для успешности своей политики в силу **экономической** несостоятельности этнических республик, к идеократическим способам обоснования российского социокультурного пространства на Северном Кавказе, делая ставку на традиционный ислам, за два века интегрированный в структуру российской **администрации** и поддерживающий общероссийские ценности.

Таким образом, на Северном Кавказе существуют предпосылки к разнонаправленной эволюции идентичности местных этносов. Одно ее направление связано с желанием части мусульман, прежде всего в восточной части Северного Кавказа, ощутить себя легитимной частью уммы, приобщиться к ценностям салафийи, которые отождествляются с «истинным исламом». Второе направление связано с обособлением мусульман региона на этно-религиозной основе. Сторонники третьего направления ставят на первое место северокавказскую идентичность, в рамках которой ислам - один из компонентов местной традиции.

Разворачивается, по сути, настоящее сражение за право влиять на формирование постсоветской северокавказской идентичности, итог которого во многом предопределяет общее развитие событий в регионе, в частности, отношения с федеральным Центром. В зависимости от того, какой из центров сумеет оптимальным способом использовать конфессиональную связанность, может определиться перспектива интериоризации им данного региона.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы.

За период Российской империи и СССР так и не были сформированы прочные «органические» (используя терминологию Э. Дюркгейма) связи, соединяющие отдельные северокавказские народы в единый региональный комплекс. Кризис социалистической идеологии, обосновывавшей на Северном Кавказе российскую государственность, являвшуюся фактором стабилизации северокавказского пространства, при недостаточной эффективности административных мер укрепления северокавказского единства и слабости горизонтальных экономических и культурных связей привел к сегментации постсоветского культурного пространства.

В этих условиях интегративный потенциал ислама, его надэтнический, внесословный и внеродовой характер позволил говорить о нем как об идеологии, на базе которой ныне возможно достичь единства на межэтническом и межреспубликанском уровнях. С другой стороны, исламский интегрим создает возможности использования его в инструментальных целях и не гарантирует утверждения общероссийских ценностей и поддержания российского политического пространства.

Успех оппозиционной элиты, успешно реализовавшей интегративный потенциал ислама с целью переструктурирования северокавказского пространства и переориентирования его на внешние культурные центры исламского мира, обусловил необходимость его использования российской администрацией для интеграции социально-политического и социокультурного пространств на юге России.

Исторический опыт свидетельствует, что и традиционный ислам бывает

весьма радикален (мюридизм в Кавказской войне, роль суфийских тарикатов в Афганистане в 80-е гг. и Чечне в 90-е гг. XX в. и т.д.). Более того, нередко в ходе противостояния со своими идеологическими оппонентами **радикализуется** традиционный ислам и сегодня. Достаточно указать на религиозный фактор в условиях дудаевского политического режима в Чечне. Поэтому взаимодействие государственных органов и ислама должно быть сбалансированным. Вместе с тем следует говорить о необходимости создания условий для модернизации ислама. Именно этот модернизированный ислам может стать «новым российским исламом» - т.е. речь идет о т.н. движении **«неоджадидизма»**, которое имело место в XIX-XX вв. повсеместно в России, кроме Северного Кавказа. Этот процесс в мусульманских регионах России идет вновь, но опять же не захватывая Северный Кавказ. Поэтому и необходимо создать условия для модернизации здесь ислама. Модернизирующийся **ислам**, как показывает практика, не несет в себе экстремистский потенциал.

Иными словами, интеграционная роль ислама, направленная на консолидацию населения региона на базе исламских ценностей и политико-правовой лояльности по отношению к российской государственности, зависит от возможности государства создать условия для модернизации ислама, примером чему может выступать, в частности, Республика Татарстан, выстраивании диалога и взаимоподдержки государства и ислама при проведении культурной политики на региональном уровне.

Список публикаций по теме диссертации

1. Левшуков Р.А. Социокультурные детерминанты сепаратизма на Северном Кавказе // Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия. Ростов н/Дону, 2000. (0,4 п.л.).
2. Левшуков Р.А. Религиозный экстремизм в Карачаево-Черкесской Республике // Ислам и политика на Северном Кавказе. Северокавказское обозрение / Под ред. В.В.Черноуса. 2001. №1. (0,8 п.л.).
3. Левшуков Р.А. Проблемы русского населения в Карачаево-Черкесской Республике // Русские на Северном Кавказе. Северокавказское обозрение. 2001. №2. (0,6 п.л.).
4. Левшуков Р.А. Явление культурной интерференции в социокультурном пространстве Северного Кавказа // Наука и образование. 2002. №4. (0,2 п.л.).